

**ФОРМИРОВАНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА БАЗЕ БАХЧИСАРАЙСКОГО
ГОРОДСКОГО КОЙНЕ В XVII–XVIII вв.**

О.Д. Рустемов¹, Е.Н. Степанов²

¹ *Издательский Дом «Тезис»
Симферополь, Российская Федерация
biblos@ukr.net*

² *Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Одесса, Украина
stepanov.odessa@gmail.com*

Цель данной работы заключается в том, чтобы определить роль столичного койне Бахчисарая и его окрестностей XVII–XVIII вв. в становлении наддиалектного койне и литературного крымскотатарского языка. Рассматриваемый нами период XVII–XVIII вв. достаточно показателен с точки зрения развития крымскотатарского литературного языка и его устной формы – наддиалектного койне. Это последний этап полноценного функционирования крымского языка перед окончательной утратой Крымским ханством своей независимости (1783 г.). В языке указанной эпохи уже выкристаллизовались те фонологические, лексические и грамматические нормы, которые определили вектор дальнейшего развития литературного языка крымских татар преимущественно на основе бахчисарайского городского койне.

Материалом исследования послужили юридические документы. Именно они наилучшим образом отражают процессы становления на базе столичного койне норм наддиалектного общекрымского койне и литературного языка. Особую ценность представляют записи судов Шариата крымских кадиев, с одной стороны, и ханские ярлыки и письма, с другой. Оба типа документов демонстрируют два литературных стиля, которые формировались разными тюркскими лингвокультурными традициями: Золотордынской и собственно крымской, региональной, испытавшей на себе значительное влияние османского языка. Факты языковой архаики и смешения фонетических, лексических и грамматических традиций разных тюркских языков в текстах памятников официально-деловой письменности XVII–XVIII вв. свидетельствуют о смешанном характере норм как бахчисарайского и наддиалектного койне, так и норм литературного языка на основе взаимодействия гомогенных тюркских идиомов (преимущественно куманского и сельджукского) с небольшой долей гетерогенных заимствований, преимущественно лексических.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, литературный язык, койне, диалект, Крымское ханство, судебные книги, ханские ярлыки

Для цитирования: Рустемов О.Д., Степанов Е.Н. Формирование крымскотатарского литературного языка на базе бахчисарайского городского койне в XVII–XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 744–759. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.744-759

**THE FORMATION OF THE CRIMEAN TATAR LITERARY LANGUAGE
BASED ON THE URBAN KOINE OF BAKHCHISARAY
IN THE SEVENTEENTH AND EIGHTEENTH CENTURY**

O.D. Rustemov¹, E.N. Stepanov²

¹ *Publishing House "Tezis"
Simferopol, Russian Federation
biblos@ukr.net*

² *Odessa I.I. Mechnikov National University
Odessa, Ukraine
stepanov.odessa@gmail.com*

Abstract: The purpose of this work is to determine the role of the koine of the Bakhchisaray's capital and its environs in the formation of the supra-dialect koine and the literary (standard) Crimean Tatar language in the seventeenth and eighteenth centuries. The period that we are considering in this article is quite indicative precisely in terms of the development of the Crimean Tatar literary language and its oral form – the supra-dialect koine. This time was the last stage of the fully functioning Crimean language before the Crimean Khanate lost its independence totally (1783). Phonological, lexical and grammatical norms which determined the vector of further development of the literary language of the Crimean Tatars, based mainly on the Bakhchisaray urban koine, had already crystallized in that epoch's language. The material of this study consists of legal documents. They provide the best way to trace the processes of the formation of norms in the general Crimean supra-dialect koine, which based on the capital's koine. Of particular value are the records of Sharia courts of the Crimean kadiys, on the one hand, and the khan's yarliks along with letters, on the other. Both types of documents demonstrate two literary styles that were forming by different Turkic linguo-cultural traditions: that of the Golden Horde and the Crimean proper, the latter being a regional one which was influenced by the Ottoman language. The fact of lingual archaism and the mixing the phonetic, lexical and grammatical traditions of different Turkic languages in the texts of the manuscripts of official and business writing testify to the mixed character of norms in the Bakhchisaray, pre-dialect koine norms, and the norms of the literary language on the basis of the interaction of homogeneous Turkic idioms (Cumanian and Seljukian) with a small share of heterogeneous, mostly lexical, borrowings.

Keywords: Crimean Tatar language, literary language, koine, dialect, Crimean Khanate, judicial books, khan's yarliks

For citation: Rustemov O.D, Stepanov E.N. The Formation of the Crimean Tatar Literary Language Based on the Urban Koine of Bakhchisaray in the seventeenth and eighteenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 744–759. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.744-759

Постановка проблемы. Заключительный период истории Крымского ханства имеет важное значение для истории формирования литературного языка крымских татар, его нормативной базы. Именно в этот период центростремительные процессы в крымском обществе были основными движущими силами. Их активность распространялась не только на этнические группы тюрок, но и на греко-понтийский микроэтнос базариотов (урумов), сформировавшийся, прежде всего, в Бахчисарае и других крымских городах [1, с. 6],

а также на армян, караимов, и некоторые другие этнические группы Крыма. Несмотря на несомненную значимость для крымскотатарского языкознания и тюркологии в целом, этот вопрос недостаточно изучен. Освещение его в отдельных работах носит, как правило, декларативный характер.

Между тем, усиление центральной крымской власти и естественные процессы объединения этнических групп Крыма в единую нацию требовали формирования понятного всем гражданам средства коммуникации. В создавшихся условиях это средство не могло не формироваться, однако сам процесс и его исследование неоднократно прерывались геополитическими событиями, задерживавшими его развитие и способствовавшими формированию вариативности литературного языка крымских татар. В данной статье мы предлагаем свою версию этого процесса, выдвинутую на основе исследований официально-деловых документов, составленных на основе отношений между государственной властью и населением Крыма в XVII–XVIII веках.

Связь со смежными лингвистическими проблемами. При рассмотрении проблем формирования и функционирования крымскотатарского языка следует учитывать тот факт, что разные литературные языки, в зависимости от языковой ситуации, исторических и социальных условий жизни общества, в разное время и у разных народов имеют неодинаковую функциональную нагрузку [11]. Исходя из социально-исторической природы литературного языка, Б.В. Томашевский, А.В. Исаченко, С.Б. Бернштейн и их последователи [см., напр.: 24, с. 170–171; 13; 3] утверждают, что литературные языки могут появиться в эпоху, когда народ уже стал нацией, и у него возникла потребность в едином кодифицированном, стандартизированном, общепонимаемом, полифункциональном языке. С таким категоричным утверждением не были согласны В.В. Виноградов, Ф.П. Филин и их последователи [см., напр.: 5, с. 3–4; 28, с. 177–178], поскольку уровень обработанности, полнота набора функций, стилистическая дифференциация и степень вариативности нормы в разных литературных языках могут не совпадать.

Проблемы становления крымскотатарского литературного языка непосредственно связаны с вопросами соотношения языка и речи, а также со спецификой территориальных, функциональных и социальных типов речи крымских татар, с проблемами формирования и функционирования крымскотатарских диалектов. Важное значение для понимания специфики процессов формирования и функционирования крымскотатарского литературного языка имеют также проблемы нормирования и кодификации в языке и речи, вопрос об обязательности либо необязательности письменной фиксации литературного языка. Позиции современных языковедов сформировались и продолжают формироваться на основе результатов дискуссий по всем вышеперечисленным вопросам. В исследованиях процесса формирования крымскотатарского литературного языка недостаточно внимания уделялось изучению столичного и других городских койне Крыма, которые явились предтечей создания общекрымского наддиалектного койне («наддиалектного языка» [12, с. 246]), лежащего, в свою очередь, в основе крымскотатарского литературного языка.

Постановка задач. Цель данной работы заключается в том, чтобы определить роль столичного койне Бахчисарая и его окрестностей XVII–XVIII вв. в становлении наддиалектного койне и литературного крымскотатарского

языка. Для этого в проанализированных официально-деловых текстах мы выделили некоторые типологические черты бахчисарайского койне, которые способны подтвердить выдвигаемую нами гипотезу.

Наша гипотеза заключается в следующем. В XVII–XVIII вв. естественным путём продолжается отбор произносительной, лексической, грамматической нормативной базы крымскотатарского наддиалектного койне, которое становилось основой формирования литературного языка. Уже в рамках наддиалектного койне формируются стилистические нормы устной и письменной речи крымских татар. Этот процесс в Крымском ханстве не был исключительным. Как и большинство литературных языков нового времени, крымскотатарский взял в качестве образца диалект столичного региона и непосредственно столичное городское койне. В то же время, наличие трёх осевших в Крыму значительных по количеству этнических групп тюрок, речь которых в регионах их расселения за пределами ханства давала начало развитию самостоятельных языков, и влияние вербальных средств коммуникации Золотой Орды и Османской империи закладывали в крымскотатарском языке изучаемого периода основу для широкой вариативности нормы.

Изложение основного материала. Литературный язык – это «основная наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации. По своему культурному и социальному статусу литературный язык противостоит территориальным диалектам, разным типам обиходно-разговорного койне и просторечию – как высшая форма существования языка» [11, с. 270]. По мнению М.М. Гухман, обработанная форма языка «предполагает известный отбор языковых средств из общего инвентаря на основе более или менее осознанных качественных критериев и связанную с этим большую или меньшую регламентацию» [10, с. 502]. Учитывая наш опыт диахронического изучения феномена формирования и функционирования крымскотатарского литературного языка и койнезированной речи, предвосхитившей его, мы считаем, что крымскотатарский литературный язык, в силу разных причин, обладает специфическими наддиалектными свойствами, отличными от английского, турецкого, русского, украинского, якутского, казахского и других языков, выполняя одновременно объединительные функции между различными группами крымских татар. Крымскотатарский литературный язык складывался в ситуации общенационального запроса на него, когда возникла реальная потребность в общегосударственном, стандартизированном средстве общения, охватывающем все сферы коммуникации общественной, политической и культурной жизни общества. Избирательность и различия в выразительных средствах крымскотатарского литературного языка в XIX и XX–XXI вв. отражают разницу социально-исторической и языковой ситуации, складывавшейся в крымском обществе этого времени.

История становления разных литературных языков свидетельствует о том, что койне того или иного городского центра (чаще – столицы) при действии центроостремительных сил оказывает влияние на формирование языкового однообразия региона, страны. В глобализационные периоды активизируются урбанизационные процессы в обществе, и преобладает прямое действие закона языковой кооперации; в периоды глобализационных катастроф роль городов в цивилизационном и социальном процессе резко снижается,

активизируются процессы пейзализации общества и преобладает обратное действие закона языковой кооперации – тенденция к языковой дифференциации территорий [21, с. 45, 51–52].

Язык сохранившихся юридических документов XVII–XVIII вв. отражает указанные выше центростремительные процессы, происходившие в Крымском ханстве (о диалектных особенностях этого языка см. [17; 18]). Наблюдался рост городов, усиление интеграционных процессов среди представителей отдельных кланов, племён и даже конфессий. Например, в ярлыках упоминается о такой южнобережной этнической группе тюркизированных греков, как урумы. Их именуют татами-тавгачами (не тюрками) в *intitulatio* писем подданными хана: *Uluğ Orda Uluğ Yurtın ve Deşt-i Qıpçaqın ve taht-ı Qırımın ve sansız köp çerünün ve sağışız tatarın ve tağ ara çerkesnin ve tat bile tavqaçın Uluğ Padişahi ve hem uluğ hanı bolğan...* (Великой Орды, Великого Юрта и Кыпчакской степи, и Крымского престола, бесчисленного войска неисчислимых татар, горных черкесов и татов вместе с тавгачами великий правитель и великий Хан ... Джанибек Гирей) [4, с. 24].

Как известно, в XVII–XVIII вв., вплоть до 1774 года, времени заключения Кучюк-Кайнарджийского мира, южнобережные территории от Каффы до Ак Яра (ныне Севастополь), где и проживало большинство христианского населения, находились под юрисдикцией турецкого султана. Но упоминание татов и тавгачей (тавкачей) среди других, тюрко-мусульманских подданных хана, говорит о складывании единой политической нации, внутри которой постепенно стирались различия между разными этногруппами. Едва ли не самую важную роль тут играло наличие единого функционального типа речи – наддиалектного койне.

Язык крымских ярлыков, с первых десятилетий существования Золотой Орды писавшихся на татарском языке, который восходил к новоуйгурской литературной и языковой традиции, с середины XVI века стал меняться под влиянием османского языка, допуская в тексте арабизированные выражения, присущие османскому письменному этикету¹. В XVII веке составители ярлыков, кроме арабских выражений, нередко стали употреблять в речи и анатолийские турецкие (тюркские) лексемы и морфологические элементы, а вместе с ними и элементы, присущие собственно крымскому тюркскому языку, восходившему к своей древней кумано-сельджукской основе, но испытавшему в своё время влияние хазарского и печенежского языков². Таким образом, несмотря на то, что употребление в ярлыках Золотоордынского Тюрки (то есть татарского языка, принадлежавшего к карлукской, восточной группе тюркских языков) было нормой, продиктованной самой идеей власти, т. е. принадлежностью крымских ханов к роду «властителя мира» – Чингиз хана, – крымское наречие пробивало себе дорогу и в этих исключительно этикетных и традиционных памятниках официального письма. Это объясняется тем,

¹ О «чистоте» языка более ранних «доосманских» ярлыков, прежде всего, золотоордынских ханов, и отсутствии в этих ярлыках арабизмов или критично малого их наличия писали И. Березин [2], Григорьев В.В. [8], Григорьев А.П. [9], Усманов М.А. [17] и ряд современных исследователей (И. Зайцев, D. Kołodziejczyk)

² Подробнее о языке ярлыков крымских ханов и влиянии на них местных субстратов см. наши статьи: [19; 32].

что, несмотря на определённого рода закрытость в бахчисарайских реалиях официального ордынского языка, между носителями живой разговорной и письменной речи ханских ярлыков существовало социально-территориальное единство. Думается, как раз о подобном единстве, обусловившем взаимодействие двух речевых стихий, Б.А. Успенский писал так: «... Между литературным и живым языком непременно должно иметь место то или иное взаимодействие; характер этого взаимодействия определяется типом литературного языка» [26, с. 80].

С большей очевидностью это живое наречие, в котором угадывается наддиалектное койне крымских татар со своими отличительными типологическими чертами, стало проявляться в судебных документах судов Шариата, называемых в отечественной историографии *кадиаскерскими тетрадами* или *книгами*, а в соответствии с международной историографической терминологией, по аналогии с османскими сиджилями (*сборник, реестр* – араб.), – *сиджилями кадиев Крыма*.

Языковые средства, которые содержатся в изученных нами документах, указывают на то, что язык этих официальных текстов отличается как от татарского (*Золотоордынское Тюрки*), так и от османского языков, занимая свое обособленное положение. В условиях усиления центростремительных социальных процессов такой смешанный характер обычно присущ койне как функциональному типу языка, используемому в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов (этнолектов) или языков [21, с. 43–44]. Для койне свойственна определённая языковая и диалектная влияния на них и территориальная ограниченность их функционирования [23, с. 42–43].

Налицо результат взаимодействия разных крымскотатарских наречий той эпохи в городском койне столицы, где закономерно присутствие военных, чиновников, деятелей культуры, образования, религии из разных регионов. В целом, мы определяем бахчисарайское городское койне как огузо-кыпчакское с преобладанием огузских элементов. Койне XVII–XVIII вв. можно рассматривать как автохтонное, потому что к этому времени носители южнобережного, среднего и северного диалектов осознавали себя одним народом.

Мы уже касались особенностей языка крымских сиджилей в своих предыдущих публикациях. Эта специфика наблюдается на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях. Особенно убедительна она в документах о разделе жителями Бахчисарая наследства (*qismet-i mevaris*). В языке завещаний детально обозначена каждая вещь. Например: *Mor yağmurlıq* – синий (фиолетовый) плащ; *Yeşil çuha* – зелёная чуха (вид грубошерстного камзола); *Qırmızı atlas qaftan* – красный атласный кафтан; *Alakeçe* – козья шерсть плотного грубого пражения, покрывало, половик из белой козьей пряжи; *Sadaq, oq, yay ile* – колчан и стрелы с луком; *Qırmızı caqşır* – красные короткие штаны (чуть ниже колена); *Aq velne uzun yenli* – белая рубаха (парусина) с длинными рукавами. Животные, их масть, характеристика по возрасту: *Qısır qoñur sıǵır* – тёмно-коричневая стельная корова; *Uzun boynuzlı quba sıǵır buzaǵı* – длиннорогий рыжий бычок; *Tarǵıl sıǵır buzaǵı* – пёстрый бычок; *Gök sıǵır buzaǵı* – серый бычок; *Quba qunacın* – молодая рыже-бурая кобыла. Названия растений, прежде всего, зерновых: *tarı* – просо; *çavdar* – рожь; *arpa* – ячмень;

boğday – пшеница. К сожалению, формат журнальной научной статьи ограничивает нас в возможностях привести больше примеров из кадиаскерских книг, однако уже на основании приведённых слов можно сделать вывод, что все они относятся к южным тюркским языкам, но многие из них с небольшими фонологическими вариациями также присутствуют в словарном фонде кыпчакских языков. Такие лексемы как заимствование из итальянского – *velne* и союз *ile* – вообще относятся исключительно к черноморскому и средиземноморскому ареалам распространения тюркских языков.

Обращают на себя внимание в кадиаскерских книгах некоторые морфологические особенности словоформ. Среди них – формы употребления недостаточного глагола *i*³. Так, в судебных реестрах встречается двойное употребление данного глагола, что является архаизмом даже для языка того времени: *Oldurki, Şaaban bin Ayvat Sublalu (صوبلالو) Arslan Divanı mahfil-i qazaya ihzar ve mahzarında bundan aqdem müşârün-ileyh Arslan Divan bana bir res gülâm bey' ide idi* (Шаабан б. Айват вызвал в собрание суда Арслана Дивана из Сублы, и в его присутствии заявил: «Ранее указанный Арслан Диван продал мне одного гулаяма»). Букв. «продающим будучи был» [15, т. 1, с. 22-А (1-73/70), текст 3]. Первый глагол *ide* стоит в форме деепричастия на *-a/-e*, которые передают «временное соотношение действий» [6, с. 154], второй же – *idi* – употреблён в абсолютном прошедшем времени.

Следует заметить, что все случаи употребления глагола *i* в крымских судебных реестрах представляют собой южнотюркский, огузский тип его функционирования. В пользу этого говорят также и случаи сращения *i* и его переход в разряд аффиксов в форме причастия прошедшего времени на *-miş* + аффикс, образованный от глагола *i* + показатель лица: *bir kimseye tiavîn olmuştum*⁴ (кое-кому стал я помощником / я помощником ставшим был) [15, Т. 1, с. 2-В (1-93/99), текст 4].

Из других временных показателей глаголов следует отметить фонетически напоминающий аффикс причастия будущего времени *-acaq / -ecek*, аффикс деепричастия времени совершения действия *-Icaq / -caq / -cek*, который передаёт значение действия, происходящего сразу после другого действия (соответствует *-dıqtansonra*), интенсивность в очередности совершения последовательных действий или даже одномоментность или параллельность их выполнения (соответствует – *(y)Inca*) [31, с. 125]. Например: *...bi'l-muvacehe Aqay Gazi'den sual olunduqta bi'l-inkâr cevap vircek el-merkum Küzi'den beyyine taleb olunduqta beyyine'den aciz olmağın* (...когда непосредственно был задан вопрос Акаю Гази, как только был получен отрицательный ответ (от него), у упомянутого Кюзи были истребованы доводы и доказательства, в коих он бессильным оказался) [15, Т. 1, с. 4-В (1-91/93), текст 1]. Данный аффикс уже в XVI веке был малоупотребительным в Турции. Это подтверждают относящиеся к этому времени комментарии писателей и поэтов относительно смысла данного форманта, зафиксированные в книге Гурера Гюльсевина. Комментарии свидетельствуют о том, что в это время мало кто понимал значение указанного форманта [31, с. 126]. Деепричастия на *-Icaq / -caq / -cek* были в

³ О функциях и парадигме недостаточного глагола *i* = (и-; э-..) см. [6, с. 79].

⁴ Формы глаголов с окончаниями на *-miş; -miş / -muş; -müş* признаются в классической тюркологии отглагольными причастиями: [6, с. 143].

ходу в языке XV века, в современном же турецком языке они полностью вытеснены синонимичными морфемами [33, с. 139]. Однако из собственных наблюдений нам известно, что этот аффикс, несмотря на свою архаичность, до сих пор употребляется азербайджанцами Ирана. Широкое использование формантов на *-İcaq / -caq / -cek* мы обнаруживаем в крымскотатарских текстах кадиаскерских книг XVII–XVIII вв., тогда как в османских сиджилях этот формант был большой редкостью, а в турецких сиджилях указанного периода и вовсе не был нами встречен. Разумеется, он ещё мог функционировать в устной турецкой речи как архаизм. Данный факт является одним из доказательств самостоятельного развития бахчисарайского койне. Его элементы местные чиновники употребляли в документах, которые официально должны были исполняться на османском языке.

Наряду с *i*, вспомогательным глаголом-связкой является также глагол *olmaq*, представленный в крымских судебных реестрах в огузированной форме: без начального *b*. Варианты его употребления в кадиаскерских книгах носят локальный характер и привязаны к языковой традиции Анатолии, Азербайджана и Крыма. Прежде всего, таковым является сочетание этого глагола в прошедшем времени с причастием будущего времени на *-acaq*. Общая семантика данного составного глагола означает твёрдое намерение что-то совершить либо закрепить статус субъекта в неопределённости такого деяния в будущем: *Suret-i mezbûrede cıran âlâ at bahasından Mehmed Efendi Hızır akaya yemin teklif idüb yigirmi hasene virecek* (وره چك) *oldu* (Из стоимости гнедого красного коня, упомянутого в выписке, Мехмед Эфенди, принеся клятву, должен будет отдать – т. е. «стал дающим» – двадцать хасене) [15, Т. 1, с. 10-В (1-85 / 83), текст 8].

Вспомогательный глагол *olmaq* в форме причастия настоящее-прошедшего времени [20, с. 58] почти повсеместно в крымских сиджилях употребляется с южно-тюркским суффиксом *-an*. Точнее, это причастие не дифференцировано во времени, в отличие от причастий кыпчакского типа, образованных при помощи аффикса *-ğan / -qan*, которые-то и включают в себе семантику настоящего и прошедшего времени. Если причастия на *-an*, соотносимые с огузскими языками, являются показателем функционирования османского языка в Крыму, то причастия на *-ğan / -qan* соотносятся с кыпчакской языковой традицией, восходящей к словарю *Codex Cumanicus* (наличие аффикса *-ğan / -qan* в словаре см. в [30, с. 81]), а также непосредственно к татарскому языку – золотоордынскому Тюрки. Последнее утверждение наиболее правдоподобно, так как к началу XIII в. составители словаря уже познакомились с татарами. В более поздних, немецких частях словаря куманский язык назывался татарским. «Сам язык памятника на страницах словаря определяется четырьмя: два раза как команский (*Comanicum, Chomanicho*) в более ранней, итальянской его версии, и дважды как татарский (*Tatarça, Tatar til*) – в более поздней, немецкой части» [7, с. 10].

Подобные причастия «татарского» типа на *-ğan / -qan*, хоть и крайне редко, но также встречаются в текстах кадиаскерских книг, что говорит о соперничестве двух тюркских наречий в Крыму, имевших на тот момент собственную устойчивую и развитую письменную культуру. *Qurban eliyle alğan hasene yigirmi üç olduğı qayd olundu* (Было зарегистрировано, что взятых рукой Курбана хасене (серебряные монеты) было (количеством) двадцать три)

[15, Т. 1, с. 12-В (1-83 / 81), текст 7]. Собственно говоря, из татарского языка в данном отрывке мы видим только причастие *alğan*, которое в огузском варианте звучало бы как *âlân*. В данном случае, в соответствии с контекстом, это должно быть причастие на *-miş*, т. е. *almış*. Весь остальной текст составлен в южно-тюркской манере. То же самое можно сказать и о другом тексте: *Mirza eli ile alğan hasene qırq altı buçuq idügi qayd olundi. Şühüdü'l-hâl: mezbûran* (Зарегистрировано: Рукою Мирзы было взято сорок шесть с половиной хасене. Присутствующие свидетели: упомянутые) [15, Т. 1, с. 12-В, текст 3].

Проникновение в письменную речь разговорных элементов койне и его прямое влияние на язык юридических документов, таких как судебные записки, а через них на все остальные сферы литературного языка – вполне закономерный процесс. Из представленных нами примеров, очевидно то, что секретари кадиев, *кятибы*, которые также назывались в татаро-тюркской традиции Крыма *tüz yazıcılar* (ровно пишущие), старались буквально следовать показаниям истцов и ответчиков, нередко передавая их слова в форме косвенной речи, за которой однозначно угадывается прямая, оригинальная речь. Немало способствует такой формалистической передаче речи её экспрессивность, что присуще всякому иску, а также судебным прениям: «Язык челоубитных отличался экспрессивностью, что сближало его в известной мере с языком литературно-художественного творчества и содействовало распространению элементов языка деловой письменности в процессе взаимодействия двух типов литературных языков» [14, с. 72–73]. Понятно, однако, что первоначальным источником такой экспрессивности является именно разговорная речь участников судебного заседания.

Выдвигая гипотезу данного исследования, мы указали, что основой для формирования наддиалектного крымскотатарского койне и, в дальнейшем, крымскотатарского литературного языка стало столичное койне – городская речь Бахчисарая. В Бахчисарае, как и в других крымских городах, поселялись и взаимодействовали представители разных тюрко-язычных групп, говоривших на различных диалектах крымских татар, а также других народов, в том числе не тюркских. Для удобства общения стихийно формировались городские и региональные койне. К XVIII веку в Крыму перестали быть редкостью межнациональные, и даже межконфессиональные браки [15]. Случались также браки между свободными и бывшими или настоящими наложницами [18, с. 90], а дети, рождённые в этих браках и признанные отцом, становились свободными мусульманами [18, с. 201]. Кроме того, вся литературная и культурная жизнь государства протекала именно в столице и крупных городах, таких как Гёзлев, Карасу Базар, Кефе, Солхат. Отсюда следует и тот факт, что уровень образованности у горожан был гораздо выше, чем у сельских жителей.

Бекир Чобан-заде, характеризуя два типа крымскотатарской речи – сельскую и городскую, – неоднократно подчёркивает разницу в произношении между представителями этих двух групп. Например, горожане, в речи которых нередко звучат иноязычные заимствования, могут нарушать привычные законы тюркской фонетики: они без особого труда произносят слова, которые начинаются с фонемы *R*, тогда как сельские жители добавляют лишний гласный к началу слова или меняют позицию фонем в слове: *ruhset* – *uruhset*; *rebi*

– *erbi*; *Ruba* – *uruba* (*urba*); *rubaşqa* – *urbaşqa*; *Rus* – *Urus*; *Rum* – *Urum* vs. То же самое можно сказать и о звуке *L*: *limon* – *ilmon*; *lâkin* – *velâkin* vs. [29, с. 95]. Учёный отмечает также отличия в произношении сочетаний согласных *SP*, *ST*, *ŞK*, звуков *F*, *Z*, *H* (подробней см. [29, с. 96]).

Из других особенностей городской речи или речи образованных людей Чобан-заде говорит о её утончённости, которая также основана на нарушении законов тюркской фонологии, в данном случае законов сингармонизма гласных: «*Qırımtatarca'da umumiyetle kitabı, yani oqumuş adamlarğa mahsus bir telâffuz vardır ki, daima qalın sesli sözlerni ince seslilerge çevirir*» (В крымскотатарском языке есть особенное произношение, присущее книжным, то есть образованным людям, согласно которому широкие (заднеязычные) гласные произносятся как узкие (переднеязычные): *aqça* – *aqçe*, *yara* (*yarğa*) – *yâre*, *para* – *pare*, *qara* – *qare*, *qaşlar* – *qaşler*, *bağcalar* – *bahçeler*, *ağlamaq* – *ağlemek* vs. [29, с. 45]. Отмечая данное явление крымскотатарской городской речи, удивляющее многих европейских тюркологов, Бекир Чобан-заде приводит в своей книге мнение учёного В. Банга (Wilhem Bang-Kaup), который обнаружил подобное явление в языке кунов / куманов, старейших жителей крымского полуострова, на страницах словаря *Codex Cumanicus*. Мнение В. Банга сводится к тому, что это не целенаправленное искажение тюркской фонологии в угоду внешнему изяществу и особой языковой «моде», но наследие древнего куманского языка, подвергнувшегося в своё время влиянию хазарского или персидского.

Искажение прежних тюркских диалектов под влиянием урбанистической культуры и формирование наддиалектного городского койне отнюдь не редкое явление в тюркском мире. Этому явлению подвергся стамбульский говор в турецком языке и узбекские городские говоры в Узбекистане. «... Махмуд Кашгарский определённо указывает на наличие двуязычия и говорит о проникновении в язык племён, посещающих города, «смягчения» ... Анализ фактического материала по говорам узбекского языка позволяет нам установить последовательность утраты сингармонизма, начавшийся, несомненно, в ряду гласных верхнего подъёма в результате конвергенции *и* и *ы*, при сохранении контрастирующих пар в системе морфологических показателей» [16, с. 101]. В данном случае на формирование койне узбекских городов оказал большое влияние изначально иранский язык. Тогда, а затем – представлявший восточно-иранскую ветвь персидского языка таджикский язык – *дари*.

Роль естественным образом сформировавшейся разговорной формы литературного языка в современном обществе трудно переоценить. Следуя за Бекиром Чобан-заде, необходимо признать тот факт, что, как и у всех цивилизованных народов, у крымских татар оформился и существовал до конца 20-х годов XX века особый литературный язык, который в результате языковой политики, проводимой большевиками, был назван «турецким» и «чужеродным». На фоне жестоких репрессий в отношении наиболее просвещённой части общества – писателей, учёных-лингвистов, археологов, историков, представителей духовенства, потомков местной аристократии и пр. – нормы дореволюционного крымскотатарского литературного языка, который в городской среде крымских татар формировался не одно столетие, были отменены. Они были искусственным образом замещены нормами сельских говоров срединной

полосы Крыма, не имевших на тот момент литературных традиций⁵. Это негативно отразилось на образовательном и культурном уровне крымских татар, попавших в лингвокультурную зависимость от русского языка.

Заключение. В результате работы над доказательством выдвинутой нами гипотезы о роли бахчисарайского городского койне в формировании крымскотатарского наддиалектного койне и литературного языка мы пришли к следующим выводам.

- В XVII–XVIII вв. в социально-политической жизни Крымского ханства установились центростремительные процессы, которые стали оказывать усиленное влияние на формирование языкового однообразия страны. В этот период активизировались урбанизационные процессы в обществе, преобладающим стало прямое действие закона языковой кооперации, в столице, других крупных городах и в регионах их экономического влияния сформировались городские и региональные койне.

- Доминирующие позиции основы формирования наддиалектного крымскотатарского койне и крымскотатарского литературного языка занимало имевшее смешанную кумано-сельджукскую основу бахчисарайское городское койне, поскольку столица была центром государственной, правовой, дипломатической, конфессиональной, культурной, литературной, научно-образовательной жизни ханства.

- Документы официально-делового характера – ханские ярлыки и тексты кадиаскерских книг – отражают языковую ситуацию в крымском обществе XVII–XVIII вв. и доминирование бахчисарайского городского койне в формировании крымскотатарского литературного языка и его разговорной формы – наддиалектного крымскотатарского койне. Этот язык (койне) не вполне был представлен в диванной художественной литературе, находившейся под прямым влиянием османского языка, но мы можем отметить проявление черт этого языка в ашыкской литературе (например, АшыкОмер) и в некоторых образцах салонной литературы (отдельные произведения Газаи⁶), а также в определённых образцах народной литературы – фольклора, в особенности песен.

- Сформировавшийся таким образом в XVIII в. крымскотатарский литературный язык просуществовал до конца 20-х гг. XX в., после чего его нормы были насильственным образом упразднены по идеологическим причинам.

- Факты языковой архаики и смешения фонетических, лексических и грамматических традиций разных тюркских языков в крымскотатарском языке памятников официально-деловой письменности XVII–XVIII вв. свидетельствуют о смешанном характере норм как бахчисарайского и наддиалектного койне, так и норм литературного языка на основе взаимодействия гомогенных тюркских идиомов с небольшой долей гетерогенных заимствований,

---

⁵ В задачи данной статьи не входит описание и анализ характеристик деревенских и сельских говоров средней полосы (орта ёлакь), искусственно возведенных в ранг «литературного» языка крымских татар вследствие авторитарно принятых на 2-ом Всекрымском языковом съезде решений. Следует также отметить тот факт, что данный литературный язык явился следствием сталинской языковой политики, шедшей вразрез к исторически обусловленным и устоявшимся языковым нормам и традициям в Крыму.

⁶ О языке произведений Газаи см.: [32].

преимущественно лексических. Данное обстоятельство свидетельствует об уникальности крымскотатарского языка в тюркских реалиях черноморского бассейна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белецкий А.А.* Греческие диалекты юго-востока Украины, и проблема их языка и письменности // Учёные записки ЛГУ. Сер. филол. наук: Балканская филология. Т. 343. Вып. 73. Л., 1970. С. 5–15.
2. *Березин И.* Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея с введением, переписью, переводом и примечаниями / И. Березин. Казань: Типография Университета, 1851. 24 с.
3. *Бернштейн С.Б.* Вопросы изучения славянских языков в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. С. 5–38.
4. *Вельяминов-Зернов В.* Материалы для истории Крымского Ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии Наук из Московского главного архива Министерства Иностранных Делъ. СПб.: ИАН, 1864. 941 с.
5. *Виноградов В.В.* Основные проблемы и задачи изучения русского национального языка до национальной эпохи // Славянские литературные языки в до национальной период: тезисы докладов. М.-Л.: АН ССР, 1969. С. 3–5.
6. *Гаджиева Н.З., Серебряков В.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М.: Наука, 1986. 284 с.
7. *Гаркавец А.Н.* Codex Cumanicus. Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV веков. М. Русская деревня, 2006. 60 с.
8. *Григорьев В.В.* Ярлык Сеадет Гирея // «Записки Одесского Общества истории и древностей». Т. 1. 1844 г. С. 337–346.
9. *Григорьев А.П.* Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник– 1977 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: 1981. С. 81–89.
10. *Гухман М.М.* Литературный язык // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / ред. А.Н. Серебренников. М.: Наука, 1970. С. 502–548.
11. *Гухман М.М.* Литературный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М. Сов. энциклопедия, 1990. С. 270–271.
12. *Изидинова С.И.* Крымскотатарский язык. С. 246–247.
13. *Исаченко А.В.* К вопросу о периодизации истории русского языка // Вопросы теории и истории языка: сб. в честь проф. Б.А. Ларина. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. С. 149–158.
14. *Кожин А.Н.* Литературный язык Московской Руси: учеб. пособие. М.: Рус. яз., 1984. 184 с.
15. *Копии сиджилей крымских кадиев*, хранящиеся в библиотеке имени И. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90
16. *Решетов В.В.* О диалектной основе узбекского литературного языка // Вопросы языкознания. М., 1955. С. 100–108.
17. *Рустемов О.Д.* Диалектные особенности языка крымских судебных реестров XVI–XVIII вв. // Научный часопис Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова. К., 2017. Сер. 9. Вип. 16. С. 194–201.
18. *Рустемов О.Д.* Кадияскерские книги Крымского Ханства: исследования, тексты, переводы (Qırım Hanlığınıñ qadiasker defterleri: araştırmalar, metinler ve tercimeler). Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 280 с.

19. Рустемов О.Д. Процессы формирования крымскотатарского литературного языка в XV–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 123–133. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.123-133

20. *Самойлович А.Н.* Опыт краткой крымскотатарской грамматики. Пг.: Тип. И. Бораганского, 1916. 104 с.

21. *Степанов Е.Н.* Норма городского койне // Русский язык сегодня. 4. Проблемы языковой нормы. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2006. С. 506–518.

22. *Степанов Е.Н.* Язык города в социальном и цивилизационном процессе // Мова. Одесса: Астропринт, 2006. № 11. С. 44–54.

23. *Степанов Е.Н.* Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы: Дис. ... д-ра филол. н.: 10.02.02 – русский язык. Одесса: ОНУ им. И.И. Мечникова, 2013. 595 с.

24. *Томашевский Б.В.* Язык и литература // Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М.: Знание, 1951. 196 с.

25. *Томашевский Б.В.* Стилистика: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. 288 с.

26. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка как межславянская дисциплина // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1995. № 1. С. 80–92.

27. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во КазГУ, 1979. 317 с.

28. *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 322 с.

29. *Чобан-заде Б.* Къырым татар ильмийсарфы (Научная грамматика крымскотатарского языка): Транслитерация с арабской графики издания 1925 г. Симферополь: Доля, 2003. 240 с.

30. *Argunşah M., Güner G.* Codex Cumanicus. İstanbul: Kesit, 2015. 1079 s.

31. *Gülsevin G.* Eski Anadolu Türkçesinde Ekler. Ankara: Türk Dili Kurumu Yayınları, 2011. 156 s.

32. *Rustemov O.* Kırım Türklerinin Edebî Dil Gelenekleri: Kırım Hanı Gazi Giray'ın Şiir ve Mektupları // Söylem. Filolojik Dergisi. Aralık, 2017. Sayı 4. P. 348–361.

33. *Timurtaş F.K.* Eski Türkiye Türkçesi XV yüzyıl. Gramer – Metin – Sözlük. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1994. 322 s.

Сведения об авторах: Олег Диляверович Рустемов – кандидат филологических наук, литературный редактор Издательского Дома «Тезис» (295043, ул. Киевская, 177В, Симферополь, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6444-2885>. E-mail: biblos@ukr.net

Евгений Николаевич Степанов – доктор филологических наук, доцент, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (65082, ул. Дворянская, 2, Одесса, Украина); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5441-9822>. E-mail: stepanov.odessa@gmail.com

Поступила 22.05.2019 Принята к публикации 20.08.2019
Опубликована 29.12.2019

REFERENCES

1. Beletskiy A.A. Grecheskie dialekty yugo-vostoka Ukrainy, i problema ikh yazyka i pis'mennosti [Greek dialects of the southeast of Ukraine and the problem of their language and script]. *Uchenye zapiski LGU. Ser. filol. nauk: Balkanskaya filologiya* [Scientific Notes of Leningrad State University. Philology Series: Balkan Philology]. Vol. 343. Is. 73. Leningrad, 1970, pp. 5–15. (In Russian)
2. Berezin I. *Tarkhannye yarlyki Tokhtamysha, Timur-Kutluga i Saadet-Gireya s vvedeniem, perepis'yu, perevodom i primechaniyami* [The Tarkhan Yarliks of Tokhtamysh, Timur-Kutlug and Saadet-Girey with Introduction, Transliteration, Translation and Notes]. Kazan: Tipografiya Universiteta, 1851. 24 p. (In Russian)
3. Bernshtein S.B. Voprosy izucheniya slavyanskikh yazykov v svete trudov I.V. Stalina po yazykoznaniyu [The study of Slavic languages in the light of the works of Stalin on linguistics]. *Uch. zap. In-ta slavyanovedeniya AN SSSR* [Scientific Notes of the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences]. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1951. Vol. 3, pp. 5–38. (In Russian)
4. Vel'yaminov-Zernov V. *Materialy dlya istorii Krymskogo Khanstva, izvlechenyya po rasporyazheniyu Imperatorskoy Akademii Nauk iz Moskovskogo glavnago arkhiva Ministerstva Inostrannykh Del* [Materials for the History of the Crimean Khanate Extracted by Order of the Imperial Academy of Sciences from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. St. Petersburg: IAN, 1864. 941 p. (In Russian)
5. Vinogradov V.V. Osnovnye problemy i zadachi izucheniya russkogo natsional'nogo yazyka do natsional'noy epokhi [The main problems and tasks of studying the Russian national language of the pre-national era]. *Slavyanskie literaturnye yazyki v do natsional'nyy period: tezisy dokladov* [Slavic Literary Languages in the Pre-national Period: Abstracts]. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1969, pp. 3–5. (In Russian)
6. Gadzhieva N.Z., Serebryakov V.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis* [Comparative-historical Grammar of Turkic languages. Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 284 p. (In Russian)
7. Garkavets A.N. *Codex Cumanicus. Polovetskie molitvy, gimny i zagadki XIII–XIV vekov* [Codex Cumanicus. Polovtsian Prayers, Hymns and Riddles of the 13th–14th centuries]. Moscow: Russkaya derevnya, 2006. 60 p. (In Russian)
8. Grigor'ev V.V. Yarlyk Seadet Gireya [The Yarlyk of Seadet Girey]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 1. 1844, pp. 337–346. (In Russian)
9. Grigor'ev A.P. Ofitsial'nyy yazyk Zolotoy Ordy XIII–XIV vv. [Golden Horde's official language of the 13th–14th centuries]. *Tyurkologicheskiy sbornik – 1977* [Studia Turkologica – 1977]. Otv. red. A.N. Kononov. Moscow, 1981, pp. 81–89. (In Russian)
10. Gukhman M.M. Literaturnyy yazyk [Literary language]. *Obshchee yazykoznanie: formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General Linguistics: Forms of Existence, Functions, History of Language]. Red. A.N. Serebrennikov. Moscow: Nauka Publ., 1970, pp. 502–548. (In Russian)
11. Gukhman M.M. Literaturnyy yazyk [Literary language]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya, 1990, pp. 270–271. (In Russian)
12. Izidinova S.I. *Krymskotatarskiy yazyk* [The Crimean Tatar Language]. (In Russian)
13. Isachenko A.V. K voprosu o periodizatsii istorii russkogo yazyka [To the question about periodization of the history of the Russian language]. *Voprosy teorii i istorii yazyka: sb. v chest' prof. B.A. Larina* [Questions of the Theory and History of Language: A Collec-

tion in Honor of Professor B.A. Larin]. Leningrad: Lenigrad State Universitet Publ., 1963, pp. 149–158. (In Russian)

14. Kozhin A.N. *Literaturnyy yazyk Moskovskoy Rusi: ucheb. posobie* [Literary Language of the Muscovite Rus'. Textbook]. Moscow: Rus. yaz., 1984. 184 p. (In Russian)

15. *Kopii sidzhiley krymskikh kadiev, khraryashchiesya v biblioteke imeni I. Gasprinskogo v Simferopole* [Copies of the Crimean Qadis' Sigils Stored in the I. Gasprinsky Library in Simferopol]. Arkhivnyy fond: 67 A90. (In Crimean Tatar)

16. Reshetov V.V. O dialektnoy osnove uzbekskogo literaturnogo yazyka [On the dialectal basis of the Uzbek literary language]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Linguistics Issues]. Moscow, 1955, pp. 100–108. (In Russian)

17. Rustemov O.D. Dialektnye osobennosti yazyka krymskikh sudebnykh reestrov XVI–XVIII vv. [Dialectal features of the 16th–18th centuries Crimean judicial registers' language]. *Naukoviy chasopis Natsional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni M.P. Dragomanova* [Scientific Journal of the M.P. Dragomanov National Pedagogical University]. Kyiv, 2017. Ser. 9. Iss. 16, pp. 194–201. (In Russian)

18. Rustemov O. D. *Kadiaskerskie knigi Krymskogo Khanstva: issledovaniya, teksty, perevody (Qırım Hanlığıniñ qadiasker defterleri: araştırmalar, metinler ve tercimeler)* [Crimean Khanate's Kadiasker Books: Studies, Texts, Translations]. Simferopol: Mediatsentr im. I. Gasprinskogo, 2017. 280 p. (In Russian)

19. Rustemov O.D. The Formation of the Crimean Tatar Literary Language in the 15th–17th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 123–133. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.123-133

20. Samoylovich A.N. *Opyt kratkoy krymskotatarskoy grammatiki* [The Experience of the Brief Crimean Tatar Grammar]. Petrograd: Tip. I. Boraganskogo, 1916. 104 p. (In Russian)

21. Stepanov E.N. Norma gorodskogo koyne [Norm of the urban koine]. *Russkiy yazyk segodnya. 4. Problemy yazykovoy normy* [Russian Language Today. 4. Problems of the Language Norm]. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2006, pp. 506–518. (In Russian)

22. Stepanov E.N. Yazyk goroda v sotsial'nom i tsivilizatsionnom protsesse [The language of the city in the social and civilizational process]. *Mova* [The Language]. Odessa: Astroprint, 2006, no. 11, pp. 44–54. (In Russian)

23. Stepanov E.N. *Russkaya gorodskaya rech' v polilingvokul'turnom prostranstve Odessy: Dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.02 – russkiy yazyk* [Russian Urban Speech in the Polylinguistic Cultural Area of Odessa. PhD Thesis]. Odessa: ONU im. I.I. Mechnikova, 2013. 595 p. (In Russian)

24. Tomashevskiy B.V. Yazyk i literatura [Language and Literature]. *Voprosy literaturovedeniya v svete trudov I.V. Stalina po yazykoznaniiyu* [Questions of Literary Criticism in the Light of the works of I.V. Stalin on Linguistics]. Moscow: Znanie, 1951. 196 p. (In Russian)

25. Tomashevskiy B.V. *Stilistika: ucheb. posobie* [Stylistics: Study Guide]. Leningrad: Lenigrad State University Publ., 1983. 288 p. (In Russian)

26. Uspenskiy B.A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka kak mezhslyavyanskaya distsiplina [The history of the Russian literary language as an inter-Slavonic discipline]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Linguistics Issues]. Moscow: Nauka Publ., 1995. No. 1, pp. 80–92. (In Russian)

27. Usmanov M.A. *Zhalovannyye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Acts of the Ulus of Jochi of the 14th–17th centuries]. Kazan: Kazan State University Publ., 1979. 317 p. (In Russian)

28. Filin F.P. *Istoki i sud'by russkogo literaturnogo yazyka* [The Origins and Destinies of the Russian Literary Language]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 322 p. (In Russian)
29. Choban-zade B. *K"yrym tatar il'miysarfy (Nauchnaya grammatika krymsko-tatarskogo yazyka)* [Scholarly Grammar of the Crimean Tatar Language]. Transliteratsiya s arabskoy grafiki izdaniya 1925 g. Simferopol: Dolya, 2003. 240 p. (In Crimean Tatar)
30. Argunşah M., Güner G. *Codex Cumanicus*. İstanbul: Kesit, 2015. 1079 p. (In Turkish)
31. Gülsevin G. *Eski Anadolu Türkçesinde Ekler*. Ankara: Türk Dili Kurumu Yayınları, 2011. 156 p. (In Turkish)
32. Rustemov O. Kırım Türklerinin Edebî Dil Gelenekleri: Kırım Hanı Gazi Giray'ın Şiir ve Mektupları. *Söylem. Filolojik Dergisi*. Aralık, 2017. Sayı 4, pp. 348–361. (In Turkish)
33. Timurtaş F.K. *Eski Türkiye Türkçesi XV yüzyıl*. Gramer – Metin – Sözlük. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1994. 322 p. (In Turkish)

About the authors: Oleg D. Rustemov – Cand. Sci. (Philology), Literary Editor, Publishing House “Tezis” (177V, Kievskaya Str., Simferopol 295043, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6444-2885>. E-mail: biblos@ukr.net

Evgeny N. Stepanov – Dr. Sci. (Philology), Docent, Odessa I.I. Mechnikov National University (2, Dvoryanskaya Str., Odessa 65082, Ukraine); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5441-9822>. E-mail: stepanov.odessa@gmail.com

*Received May 22, 2019 Accepted for publication August 20, 2019
Published December 29, 2019*